

Кильдеев М.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ТАТАРСКОЙ АССР В 1960-1980-Е ГГ.

Развитие социологических исследований религиозного состояния общества в Татарской АССР, как и в целом по стране, неразрывно связано с религиозной политикой СССР. Никакой потребности в знании объективной картины религиозности в 1930-40-50-е годы у государства не было, официальная картина складывалась из сообщений о ликвидации религиозных общин, закрытии церквей, мечетей и молельных домов, охвате населения антирелигиозной пропагандой, отходе служителей веры от религии. Религиозная вера отдельных граждан рассматривалась как несомненный пережиток, свидетельство затуманенности сознания. В соответствии с этим подходом наблюдение велось за официальным духовенством, зарегистрированными религиозными общинами и группами и за конкретными верующими, попадавшими в официальные сводки. Так, церкви и мечети обязывались предоставлять информацию о проведенных обрядах; граждане, «уличенные» в участии в религиозных обрядах, например, венчания, никяха или крещения, «прорабатывались» в дальнейшем по комсомольской линии или по месту работы.

Узковедомственный учет количества верующих и ее динамики велся, и соответствующие справки и донесения сохранились в архивах. Вплоть до середины 1960-х гг. основным каналом измерения уровня религиозности населения была информация советских органов и уполномоченных Советов по делам религиозных культов и русской православной церкви. Среди этих данных – сведения о деятельности церквей, мечетей, молитвенных домов, их посещаемость верующими и религиозная обрядность. В Татарской АССР был установлен порядок, когда через советские, финансовые органы и комиссии содействия по контролю за соблюдением законодательства при исполкомах районных и сельских советов поступали сведения об обрядах, совершаемых в церквях и мечетях. Эти данные становились достоянием партийных органов и использовались в атеистической, пропагандистской и организационной работе.

Более или менее обстоятельный учет велся по населенным пунктам, где имелись официально зарегистрированные церкви и мечети. На 1961 год в Татарской АССР имелось всего 11 мечетей (с 1967 г. – 12). По сведениям о проведении

Курбан-байрама в зарегистрированных религиозных объединениях в коллективной молитве участвовало в 1960 – 8278, 1961 – 8339, 1962 – 7902, в 1968 – 8819, в 1969 – 8169, 1970 – 7049, 1971 – 8974, 1972 – 5475 чел.¹ Отдельно велся учет возрастной структуры пришедших в мечети, число жертвенных животных, объем подаваний. На динамику численности молящихся влияли календарные, погодные условия и она сама по себе не могла служить свидетельством какой-либо тенденции усиления или, наоборот, ослабления религиозности. Если праздник выпадал на выходные (как в 1971 г.), количество молящихся возрастало, неблагоприятная погода (сильный мороз, как в 1972 г. например) отпугивала верующих, которых в дни праздников мечети не могли вместить физически. Принимая во внимание эти цифры, следует учесть следующую особенность мусульманского культа: в богослужениях в мечетях в те времена не принимали участия женщины, составлявшие большую часть верующих. Учитываемые показатели помогали осуществлять жесткий финансовый контроль в отношении к официально зарегистрированным религиозным объединениям, ограничивать проведение ими благотворительной деятельности, организацию паломничества, создание групп и курсов по обучению основам религии.

В новой антирелигиозной политике, нашедшей выражение в постановлении ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений советского законодательства о культах» (1960) и в секретной «Инструкции по применению законодательства о культах» (1961), акценты были смещены к контролю за «религиозным подпольем», к которому безусловно были отнесен неофициальный ислам. Учет показателей религиозного поведения в населенных пунктах, где не действовали

религиозные общины, был поставлен во многом формально, что не позволяло осуществлять действенный контроль за самовольным возведением новых и открытием ранее закрытых мечетей, самовольным проведением массовых богослужений под открытым небом, деятельностью «безмечетных» мулл, созданием групп для обучения детей религии, сбором денег и других пожертвований; уклонением от уплаты подоходного налога, сокрытием от финансовых органов доходов, подлежащих обложению налогом².

В условиях кампанейщины начала 1960-х гг. уполномоченные получали с мест данные, которые даже в условиях существовавшей идеологической картины выглядели фантастическими. «Если в 1961 году по данным единовременного учета насчитывалось свыше 500 мусульманских (незарегистрированных) общин и групп, то за пять лет их количество сократилось до 60³. В 1974 году Уполномоченный по делам религии Совета Министров по ТАССР И.А. Михалев, в информации о прохождении мусульманского поста, отмечает, что «... ряд исполкомов райсоветов продолжают сообщать в Совет Министров ТАССР поверхностные данные, не раскрывающие в полном объеме религиозную обстановку. Например, исполком Муслимовского райсовета, не располагая конкретными данными с мест, сообщает, что в уразу-байрам молитвенные собрания верующих состоялись только в двух населенных пунктах, хотя в районе насчитывалось 59 татарских населенных пунктов. В ходе проверки в 1973 году исполкомов Баланнинского, Митряевского, Муслимовского, Октябрьского, Старокарамалинского, Уразметьевского сельских советов установлены факты систематической деятельности незарегистрированных групп мусульман. Не могли же они прекратить деятельность в течение

одного года...»⁴. В 1969 году исполком Пестречинского района сообщил, что «большая разъяснительная работа по восьми сельсоветам, на территории которых проживают верующие-мусульмане, способствовала ликвидации собраний верующих в большинстве сел этих сельских советов. Молитвенные собрания состоялись только в трех селах района, на которых присутствовало не более 15-20 верующих преклонного возраста»⁵. О степени объективности и точности наблюдений говорит хотя бы тот факт, что уже в 1986 году власти констатировали факт проведения молитвенных собраний в дни религиозных праздников более чем в 800 населенных пунктах республики. Ответственные лица сделали тогда вывод, что «практически в любое время из этих населенных пунктов могут поступить ходатайства об открытии мусульманских объединений»⁶.

О тревожно высоком для властей уровне религиозности сельского населения республики свидетельствовало то, что в 1965 году в девяти татарских селах, где действовали официально зарегистрированные мусульманские общины, из 386 родившихся детей 172 (44,5%) подвергались обряду наречения; из 85 зарегистрированных в органах ЗАГС браков, обряды совершили 40 пар (47,5%). Из 106 умерших 74 человека (около 70%) были похоронены с соблюдением мусульманского обряда. В селе Степное Озеро (Бикле) Октябрьского района ТАССР обрядность наречения, венчания и похорон составила 100%.⁷

Очевидные недостатки наблюдения за фактами религиозного поведения (акцент на культово-обрядной стороне религиозного поведения; ограниченность наблюдения только зарегистрированными религиозными общинами, с которыми большинство верующих контактов не имело; нали-

чие большого числа незарегистрированных общин и неофициальных служителей веры (особенно в исламе); а также неполнота церковной и мечетной отчетности) заставили идеологические органы задуматься об альтернативных источниках информации о религиозном состоянии общества.

В 1964 г. при Академии общественных наук при ЦК КПСС был создан Институт научного атеизма (ИНА), одной из задач которого стало проведение социологических опросов и сбор данных об отношении советских людей к религии и атеизму. Решением директивных органов опорным пунктом ИНА по Татарской АССР была объявлена лаборатория социологических исследований при кафедре философии Казанского университета. Силами коллектива лаборатории в феврале-марте 1966 г. по разработанному в ИНА инструментарию было проведено выборочное репрезентативное исследование состояния религиозности населения г.Казани, которое таким образом стало первым в стране⁸.

По принципу механического бесповторного отбора из списков избирателей отобрано и опрошено 4710 человек (1% взрослого населения Казани). Для выявления доли распространения изучаемого признака заранее было проведено пробное исследование. Большой объем выборки был продиктован необходимостью порайонного анализа картины религиозной жизни и дальнейшего анализа группы носителей изучаемого признака, т.е. верующих. В выборку попало 63,6% русских, 32,6% татар, что примерно совпадало с долей этих этнических групп в населении города. Обращает на себя такая статистическая особенность выборки, как резкое преобладание респондентов-женщин (мужчин-русских 43%, женщин – 57%; мужчин-татар – 40,6%, татарок

– 59,4%), что, впрочем, близко к показателям Всесоюзной переписи 1959 года. Из общего числа опрошенных 21% назвали себя верующими. Среди татар верующими себя признали 25,8% (мусульманами – 25,1%, православными – 0,65%); среди русских – 19,4% (православных – 19,0%, баптистов, адвентистов, «староверов» и не давших ответа о своей конфессиональной принадлежности в сумме 0,43%). Есть основания сомневаться в достоверности данных выборочного исследования относительно доли верующих вообще (учитывая высокие косвенные показатели религиозности в виде крещения детей и венчаний среди русских и посещения казанской мечети в дни мусульманских праздников у татар), и в особенности относительно верующих – представителей протестантских конфессий, гонимых властями (на тот момент в Казани имелись незарегистрированные общины ЕХБ, адвентистов седьмого дня, пятидесятников).

Полученная статистическая информация в целом подтверждала на практике идеологический тезис об отмирании религии в социалистическом обществе, но показывала неэффективность официальной антирелигиозной пропаганды как инструмента для достижения этой цели.

Основная часть верующих преодолела возрастную отметку 50 лет. По социально-профессиональным характеристикам группу верующих образовывали пенсионеры (42%), рабочие промышленных предприятий (34%), домохозяйки (17% верующих). Вообще, женщины составляли подавляющую часть верующих (81%). Интересно, что ни авторы исследования, ни партийные органы никак не оценили этот факт, поскольку такая закономерность проявлялась и ранее. Низкую долю мужчин в числе верующих еще как-то можно было

бы объяснить диспропорцией в половозрастной структуре общества, образовавшейся в связи с людскими потерями в годы Великой отечественной войны. Однако цифры показывают, что диспропорция образовалась во всех возрастных группах, в т.ч. и не подпадавших по возрасту под призыв в 1939-1945 гг.

Возможно, дело еще и в несовершенстве методики, которая достигала своей цели только в случае с лицами, находившимися на периферии социальной структуры общества, слабо включенными в общественное производство (пенсионеры, домохозяйки, низкоквалифицированные рабочие). Уровень образования верующих был прогнозируемо невысок: 35% верующих – люди неграмотные, 3,2% – малограмотные, 41,6% – с начальным образованием. Верующих с высшим образованием среди русских – 1%, среди татар не выявлено. Среди татарской молодежи до 30 лет верующих немного (4,2%), а среди стариков-татар (старше 60 лет) доля верующих (61%) превышала долю неверующих. В последовавшем «Постановлении об итогах социологических исследований» указывалось на ослабление внимания к атеистической работе с людьми пожилого возраста и на то, что «число пожилых верующих в городе не уменьшается».⁹ Характерно, что ту же тенденцию социологи обнаружат и через 20 лет.

С другой стороны, в выборочной совокупности обнаружено всего 5,4% лиц, ранее верующих, но на момент опроса отказавшихся от своих религиозных убеждений. Основная причина отхода от веры – «влияние советской действительности» (60,9%). Партийные органы сделали, исходя из этих цифр, вывод «о слабой эффективности научной атеистической пропаганды»¹⁰. На тот момент государство в своей антирелигиозной

политике делало ставку на научно-атеистическую пропаганду и то, что немногочисленные отошедшие от религии ссылались в основном на весьма неопределенные жизненные обстоятельства, ставило под сомнение действенность такой практики. По данным опроса, в результате посещения на добровольной основе лекций по атеизму и чтения атеистической литературы порвали с религией всего 35 человек (13,8% от числа бывших верующих). По решению партийных органов была усилена издательская и лекционная атеистическая работа на татарском языке в республике.

Для улучшения полученных результатов в июне-июле 1967 года проводилось сплошное обследование взрослого населения двух татарских сел и верующих-мусульман г. Бугульмы, где в 1967 году была зарегистрирована мусульманская община, двенадцатая по счету в республике. Если цель казанского исследования состояла в выявлении конфессиональной структуры, то в последующих проектах основное внимание было уделено изучению духовного мира верующего, религиозного поведения и религиозного сознания¹¹. В качестве объективных критериев принадлежности к исламу были взяты такие аспекты религиозного поведения, как посещение мечети, чтение намаза, отправление мусульманских обрядов, соблюдение мусульманского поста, празднование религиозных праздников, наличие в квартире предметов культа, время, затрачиваемое на отправление религиозных культов. Исходя из требований ислама, критерием религиозности для мусульманина являлись: вера в Аллаха; признание загробной жизни; понимание смысла Корана, хадисов, шариата и осознанное отношение к ним; исполнение намаза¹².

Из верующих г.Бугульмы ежедневно мечеть посещали 13% верующих, по

пятницам – 29%, по праздникам – 17%, нерегулярно – 32%, не посещали – 9%. Регулярно пять раз в день читали намаз 60,5% всех опрошенных; два раза в день – утром и вечером 16%; от случая к случаю – 12%, не читает – 11,5%. 84% отмечали религиозные праздники (Корбан, Ураза бэйрәме, Мәүлет), 62% держат уразу. 67% мусульман имеют дома религиозную литературу, но умеют читать тексты, написанные арабской графикой, могут только 37%.

Важным итогом углубленного изучения духовной жизни верующих г.Бугульмы стало составление типологии верующих мусульман, невозможное при массовом обследовании населения по стандартным опросным листам. На основе социологического изучения степени религиозной убежденности, религиозного поведения были выделены следующие категории верующих мусульман:

1. Убежденные верующие, которые отличаются крайней приверженностью к мусульманской религии. В жизни этих верующих религия занимает главное место. В доме каждого из них имеется Коран, стены украшены шамаилями. Они хорошо разбираются в религиозном вероучении, готовы поспорить по любым связанным с ним вопросам. Считают своим долгом распространение религии среди других людей, активно участвуют в деятельности мусульманской общины. Регулярно посещают мечеть, пять раз в день читают намаз, держат уразу. Убежденные верующие составили 9-10% от общего количества опрошенных верующих.

2. Следующая группа верующих – это обыкновенный верующий мусульманин. В его жизни религиозные и безрелигиозные представления играют примерно одинаковую роль. Обыкновенный верующий мусульманин слабо знает религиозную литературу. Коран он читает механически,

но смысла его не знает, так как не понимает арабского языка. С исламом он знаком больше с внешней стороны, со стороны религиозного культа. В мечеть он ходит нерегулярно, хотя молитвы читает ежедневно. Во время поста допускает много отступлений («здоровье не позволяет», «работаю, поэтому не могу»).

Модернизм в области религиозного культа, поскольку он направлен на упрощение обрядности, на ослабление ортодоксальных требований ислама к мусульманам, обыкновенными верующими мусульманами воспринимается положительно. Обыкновенно верующие мусульмане – это наиболее значительная группа среди верующих, среди прихожан бугульминской мечети они составляли 60%.

3. К т.н. колеблющимся относятся люди, в мировоззрении которых господствуют материалистические представления, на фоне которых религиозные элементы выступают как пережитки прошлого. Колеблющийся верующий, как правило, Корана не знает и не читает. Представление о религиозном вероучении у него туманное, он знаком с ним по чужим рассказам. Слабо разбирается в вопросах мусульманского культа. В мечеть почти не ходит, заученные молитвы читает от случая к случаю. Пост соблюдает нерегулярно, с перерывами. В Аллаха верует больше по привычке, по традиции, религиозность в его жизни проявляется в момент каких-либо лично важных событий (смерть близких, несчастье и т.п.). К этой категории отнесено 30% верующих¹³.

Сплошные обследования, проведенные в двух селах республики, показали более высокий уровень религиозности, чем в Казани. В д. Верх. Нурлат Октябрьского района верующими признали себя 34,5% взрослого населения, в д. Мичурино Лениногорского района – 33,9%. В обоих селах не было

зарегистрированной религиозной общины и официального духовенства, что вообще было характерно для сельской местности Татарской АССР. Во всех незарегистрированных общинах имелись свои служители культа, «неофициальные муллы», которые руководили молитвенными собраниями и отправляли обряды в домах верующих. В информации уполномоченного Михалева о прохождении мусульманского поста в 1974 году сообщалось, что в 312 населенных пунктах в Уразу-байрам верующие молились в 134 частных домах и на территории 165 кладбищ. Здесь их культовые потребности обслуживали 207 мулл¹⁴.

По испытанной в республике методике аналогичные исследования были проведены в других регионах страны, например, в Марийской АССР, в Пензенской, Горьковской областях РСФСР; в Узбекской, Молдавской ССР. Основываясь на данных, полученных в Пензенской и Горьковской областях РСФСР, можно утверждать, что уровень религиозности татарского населения, проживающего за пределами Татарской и Башкирской АССР, выше (в Пензенской области верующие составляли 48,4% взрослого татарского населения; в Горьковской среди мужчин-татар – 40%, среди татарок – 61%¹⁵).

Заслуживают внимания этносоциологические исследования, проведенные Академией наук СССР в городах и селах республики примерно в тот же период. В Казани, Альметьевске и Мензелинске было опрошено 9300 человек, в 53 селах республики – 2300 человек. Среди вопросов стандартной анкеты были и относящиеся к области религии. К сожалению, обобщенные данные о религиозной жизни не были опубликованы. В нашем распоряжении имеются только те, которые подтверждают картину религиозной жизни, созданную более ранними исследованиями¹⁶.

Следующее масштабное исследование, проводившееся в апреле 1987 года в Казани и в Арском районе Татарской АССР, входило в комплексный социологический проект «Состояние религиозности и атеистическое воспитание в регионах традиционного влияния ислама» ИНА АОН. Поводом для проведения исследования стало секретное постановление ЦК КПСС от 18 августа 1986 г. «Об усилении борьбы с влиянием ислама». Цель проекта состояла в получении сравнительной информации относительно влияния ислама на население мусульманских регионов (Азербайджанская ССР, Карачаево-Черкесская АССР, Узбекская ССР, Таджикская ССР, Дагестанская АССР, Татарская АССР).

В исследовании упор был сделан на изучение духовного мира верующих, верующим предлагалось ответить на 74 вопроса анкеты. Результаты, полученные в Татарской АССР, опровергали сложившийся стереотип о современном исламе как о преимущественно обрядовом комплексе, за которым якобы не стоят религиозные представления людей, как неадекватный реальности. Уровень догматической убежденности оказался даже выше, чем уровень проявления традиционной религиозной обрядности¹⁷. В исследовании не было зафиксировано сколько-нибудь статистически значимой группы людей, которые не веровали бы в Аллаха, но при этом читали намаз или держали уразу¹⁸. С другой стороны, в группе неверующих (62% от выборочной совокупности) 20% считали мусульманские праздники национальными, а 13% участвовали в них, «так как не хотят своим отказом обидеть родителей, родственников»¹⁹.

Для выделения подгрупп верующих наряду с субъективным критерием (вера в Аллаха), использовались и дру-

гие критерии – соблюдение поста и совершение молитвы. По сравнению с 1966 годом изменилась структура верующих, при резком уменьшении числа верующих по традиции, теперь преобладали формальные верующие, не подтверждающие свои религиозные убеждения религиозным поведением – их почти 70%.

Данные о возрастной структуре верующих продемонстрировали устойчивость сообщества верующих и его способность к самовоспроизводству. Если в 1966 году 61% пенсионеров отнесли себя к верующим, то в 1987 – уже 66%, тем самым опровергался сложившийся стереотип о мусульманской религии как об общественном пережитке. Становится очевидным, что само общество и продуцирует обнаруживаемые формы религиозности. К 1980-м гг. за религией даже признается функция «специфической формы удовлетворения социальных потребностей»²⁰. О функциональности религии в условиях социалистического общества говорят и полученные в последующих исследованиях цифры о достаточно заметном уровне религиозности среди самих членов КПСС.

Во второй половине 1980-х гг. активизируется социологическая деятельность партийных органов. Ежегодно проводится до 100 социологических исследований по актуальным проблемам общества и партии, в основном опросными методами. В 1987 и 1989 гг. идеологический отдел ГК КПСС г. Казани проводит социологические исследования проблем атеизма и религии. В 1989 г. опросом были охвачены трудовые коллективы предприятий промышленности, научно-исследовательских учреждений, организаций транспорта и связи (всего опрошено 721 человек). Верующими себя признали 14,5% трудящихся:

Табл. 1. Отношение опрошенных к религии в зависимости от партийности

	Считают себя: (в %)		
	верующими	неверующими	атеистами
беспартийные	19,4	68,1	12,5
члены ВЛКСМ	11,4	77,1	11,4
члены КПСС	3	70,4	26,5

В апреле 1988 г. социологический опрос был проведен среди татарского населения Октябрьского района, на территории которого действовало 5 мечетей (из 16 зарегистрированных в республике). Было опрошено 370 работающих жителей районного центра и сел. Параллельно, по отдельному инструментарию, проведен опрос 100 коммунистов из числа партийно-хозяйственного и идеологического актива района²¹. В ходе опроса 12,2% опрошенных сообщили, что посещают мечеть, 43,5% – что верят в Аллаха. Среди коммунистов процент верующих составил 19,5%, среди комсомольцев – 29,5%. Большое внимание уделено участию в религиозных обрядах. Исследователями подчеркивалось, что регулярное отправление религиозных культов способствует не только сохранению устойчивых стереотипов религиозного сознания, но и объективно воспроизводит образцы религиозного поведения. Поэтому отправление религиозных обрядов следует рассматривать не только как дань патриархальным традициям, но и как фактическое их воспроизводство в новых социально-исторических условиях²². Особо отмечается, что «практически никто из коммунистов не смог четко изложить требования Устава КПСС к члену партии в отношении религии».

К началу 1990-х гг. социологические исследования религиозности

сворачиваются. Угасает активность основного заказчика – партийно-государственных структур. С 1990 года по республике не проводились комплексные исследования религиозной ситуации. Об уровне религиозности можно косвенно судить по результатам этносоциологических исследований, в которых уровень религиозности рассматривается в качестве составного элемента межнациональных отношений.

Нет оснований не доверять результатам проведенных в Татарской АССР исследований, сохранившимся в архивах, так как они поступали только в служебное пользование; цензурированию подвергались только публиковавшиеся данные²³. Сомнения в валидности данных могут возникать только относительно опросной методики, которая не могла гарантировать респонденту соблюдение конфиденциальности в таком деликатном вопросе, как религиозная вера. Однако стабильное распределение результатов опросов на протяжении более двух десятилетий позволяет при анализе обойтись без возможно недоучтенной части верующих.

Изучение религиозности населения Татарской АССР не ограничивалось только жителями Казани, его география охватила Юг и Юго-Восток республики, Заказанье. Исследованию подвергались различные социальные группы советского общества. Иссле-

дователями широко применялись математические методы анализа данных. Нельзя не отметить высокий методологический уровень проводимых исследований. В 1987 году татарам Казани и Арского района, в 1988 году татарам Октябрьского района в качестве классификационного задавался вопрос о вере в Аллаха, т.е. о важнейшем догмате мусульманской веры. Действительно, критерии отнесения к мусульманской умме находятся исключительно в сфере религиозного сознания и относятся к признанию человеком мусульманской догматики. По мнению духовного авторитета Абу Ханифы, к мазхабу которого принадлежит большинство татар-мусульман, вера – это устное произнесение свидетельства о вере, и убежденность в истинности существования и единственности Аллаха и в посланнической миссии Пророка Мухаммеда²⁴. Таким образом, верующим мусульманином следует признать любого человека, признающего основные догматы ислама, прежде всего, верующего в единого Аллаха. По этой причине нельзя вводить какие-то иные классификации мусульман, выделяя например, «истинных», «правоверных» или «практикующих» мусульман с одной стороны и «неистинных», «мунафиков» и «кяфилов», с другой. Такой подход выгодно отличается от сегодняшних методик изучения общественного мнения, напроочь игнорирующих религиозное понимание веры (признание догматики, участие в процедуре шахады и т.д.). Например, Всероссийский центр изучения общественного мнения, отслеживающий этноконфессиональную структуру РФ (РСФСР) начиная с 1989 года, опи-

рается при этом всего лишь на один вопрос – о конфессиональной принадлежности респондента («Последователем какого мировоззрения или религии Вы себя считаете?»). Научный подход к исследованию религиозности требует анализа субъективных компонентов религиозного сознания в их связи и единстве с объективными. В противном случае теряется грань между национальной и религиозной принадлежностью, размывается само представление о вере и неверии, религиозности и нерелигиозности.

Исследования религиозной жизни в Татарской АССР целиком лежали в русле текущей конъюнктуры, поэтому проводимые опросы не составляли какой-либо системы, проводились нерегулярно. Основная сложность при составлении общей картины религиозности в республике связана с несравнимостью изучаемых объектов. В одних исследованиях за объект принималось взрослое население изучаемой местности, в других – работники предприятий, учащаяся молодежь; особое внимание уделялось исламу, поэтому объектом ряда проектов становилось татарское население, трудящиеся-татары, верующие-татары и т.д. Тем не менее, исходя из имеющихся данных, можно судить о том, что уровень мусульманской религиозности населения Татарской АССР и ее характер за изучаемый период (с 1966 по 1991 гг.) не претерпели значительных изменений. Не наблюдалось ни увеличения доли верующих, ни прогнозируемого сокращения как результата снижения воспроизводства религиозности в новых поколениях и естественной убыли верующих из старших возрастных групп.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). ф. 15, оп. 7, д. №945а, с. 58; д. №1843а, с.13, 14; ф. 26, д. № 862, с. 172.
2. Советское законодательство о культах и задачи по усилению контроля за его выполнением (Доклад Председателя Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР А. А. Пузина на совещании идеологических работников республик Средней Азии 5 февраля 1964 года). http://www.enlight.ru/frog/index.php?page=s_okultah
3. «Информация о ходе выполнения мероприятий идеологической комиссии по усилению атеистического воспитания населения». ЦГАИПД РТ. ф. 15, оп. 7, д. №945а, с.25.
4. «Информация о прохождении мусульманского поста в Татарской АССР» (19.9-17.10 1974г.). ЦГАИПД РТ. ф. 15, оп. 7, д. №1843а, с.51.
5. «О прохождении в Татарской АССР мусульманского праздника Курбан-байрам» (27 февраля 1969 г.). ЦГАИПД РТ. ф. 15, оп. 7, д. №945а, с.57. Между тем по переписи населения 1970 года на территории Пестречинского района проживали 16 тысяч татар.
6. «О деятельности мусульманских религиозных организаций на территории Татарской АССР» (от 2 сентября 1986 года). ЦГАИПД РТ. ф. 15, оп. 14, д. № 403, с. 83.
7. «Информационный отчет о деятельности религиозных объединений на территории Татарской АССР за 1965 год». ЦГАИПД РТ. ф. 15, оп. 7, д. №87, с.29.
8. «Докладная записка об итогах социологических исследований состояния религиозности населения г.Казани». ЦГАИПД РТ. ф. 26, оп. 37, д. №1089, С.259-269.
9. «Об итогах социологического исследования религиозности населения города и задачах по дальнейшему улучшению атеистической работы». Постановление ГК КПСС г.Казани от 15 мая 1967г. ЦГАИПД РТ. ф. 15, оп. 7, д. № 694. Лист 217.
10. Там же, с. 218.
11. Тагиров Р.Б. Критерии религиозности и типология современного верующего (на примере ислама). / дисс. на соискание уч.ст. к.филос. наук. – Казань, 1972. – С.34.
12. Тагиров Р.Б., с.30.
13. Тагиров Р.Б., с.66-68.
14. ЦГАИПД РТ, 15 фонд, 7 описание, дело №1843а, с.51.
15. См.: Королев А.А. Советские мусульмане Поволжья (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.) // Известия АлтГУ, 2007. №4; Ислам в СССР. – М.: Мысль, 1983.
16. Социальное и национальное. Опыт этносоциальных исследований по материалам Татарской АССР. – М.: Наука, 1973. – С.136.
17. ЦГАИПД РТ. ф. 15, оп. 15, д. №934, с.9.
18. Там же, с.10.
19. Там же, с.12.
20. Смирнов М. Ю. Современная российская социология религии: откуда и зачем? // Религиоведение. – 2007. – № 1. – С. 161.
21. ЦГАИПД РТ, 15 фонд, 15 описание, дело №933, с.58.
22. Там же, с.59.
23. См., например: Балтанов Р.Г. Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания (Проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР). – Казань, 1973.
24. Батров Р. Абу-Ханифа: жизнь и наследие. – НН: Медина, 2007.